

К вопросу о родовых владениях ростовских князей после прекращения существования Ростовского княжества

С. В. Городилин

Княжеское родовое землевладение в последние десятилетия находится в центре внимания исследователей. В условиях пресловутой лапидарности источников по русскому средневековью сведения о наследственных владениях титулованной аристократии позволяют прояснить темные места политической истории княжеств, уточнить генеалогические связи, реконструировать развитие структур землевладения, внутренних территориальных и политических структур, служебной организации. Кроме того, без использования данных о княжеских родовых землях невозможны развернувшиеся сейчас исследования процессов включения княжеских владений различных типов в состав формирующегося единого государства, а членов владевших ими княжеских домов — в состав служилых людей московского государя.

Ценность сведений о родовых владениях князей Ростовского княжества, от которого не сохранилось ни княжеских духовных грамот, ни междукняжеских докончаний, очевидна. Вопросу посвящена достаточно обширная библиография. Первым коснувшийся этой темы С. В. Рождественский привел, по его оценке, «крайне скудные известия о владениях Ростовских князей в пределах их бывшего княжества», не позволяющие судить об их многочисленности и величине, и «скорее намекающие на процесс их разрушения, чем объясняющие его». Впрочем, на основании этих известий исследователь смог сделать важные выводы о сохранении за ростовскими князьями после продажи ими в 1474 г. владельных прав на Ростов их «частных сел и деревень» и о том, что они «не пережили стадии мелких уделов», сразу перейдя «из положения самостоятельных владельных князей в положение простых вотчинников»¹.

Некоторые новые сведения о родовом княжеском землевладении в Ростовском уезде были привлечены в ходе дискуссии 1980 — начала 90-х гг., посвященной судьбам ростовских князей при Иване Грозном и характеру их корпорации, зафиксированной в ТКДТ. В. Б. Кобрин, прибавив к приведенным С. В. Рождественским три новых упоминания в актах о землях князей в уезде, решил, однако, что еще до середины XVI в. они почти полностью лишились вотчин в родовом гнезде и корпорация «Князей Ростовских» носила не территориальный, а лишь генеалогический характер. В обоснование тезиса предлагались следующие аргументы: многочисленность в уезде пришлых землевладельцев, отсутствие упоминаний ростовских князей в Троицких межевых книгах 1555/56–1558/59 гг. по Ростову и в качестве послухов в ростовских актах, а также то, что ростовские княжеские

фамилии образовывались уже от родовых прозвищ, а не от названий вотчин².

Р. Г. Скрынников и А. П. Павлов не согласились с мнением В. Б. Кобринина, приведя очевидный довод: наличие особой рубрики «Князи Ростовские» в ТКДТ, куда не входили ростовские князья, служившие из иных городов, явно предполагает помимо генеалогического еще и территориально-владельческий критерий. А. П. Павлов, впрочем, отметил немногочисленность известных фактов владения вотчинами в родовом гнезде в доопричное время и указал, что к концу опричнины, «сокрушившей остатки родового землевладения князей Ростовских», владения в уезде сохранили лишь Гвоздевы-Ростовские³. Кроме того, исследователем были приведены важные факты возвращения князьями ростовских владений после Смуты. Р. Г. Скрынников, заметив, что аргументы В. Б. Кобринина имели бы вес только в случае, если бы актовый материал по Ростову дошел сколько-нибудь полно, указал также, что его оппонент, приведя в качестве примера три случая сохранения княжеской вотчины и один случай ее потери, делает, тем не менее, общий вывод о почти полной утрате ростовских вотчин⁴.

Немало внимания вопросу о родовых вотчинах ростовских князей в своей специально посвященной землевладению в Ростовской земле работе уделил С. В. Стрельников⁵. Им были выявлены ценные известия о княжеских земельных вкладах в ростовские монастыри первых десятилетий XV в., ранее не привлекавшиеся исследователями⁶. Кроме того, в исследовании перечислены почти все важнейшие источники по теме, включая судебные дела первой трети XVII в., связанные с прежними владениями ростовских князей, и сделан ряд предположений о возможно входивших в состав родовых вотчин селах. Однако автор отказался от обобщения приведенных им данных, наблюдений и гипотез, расположенных в разных местах текста монографии, а также от разбора сведений судебных дел, напрямую связанных с рассматриваемой им темой⁷.

С. В. Стрельников пришел к выводу, что для конца XV в. «скорее всего верна точка зрения В. Б. Кобринина» (т.е. родовые вотчины ростовских князей утрачены), а для середины XVI в. — уже мнение Р. Г. Скрынникова и А. П. Павлова: рубрика ТКДТ носит территориальный и землевладельческий характер (вероятно, в результате успеха упоминаемых автором «попыток представителей отдельных родов ростовских князей вернуть свои родовые земли» при Иване Грозном или еще при Василии III)⁸. Однако этот вывод о почти полной утрате и последующем возвращении вотчин основан лишь на единственном примере сельца Приимкова с деревнями, проданного Дмитрием Приимковым-Ростовским до 1491 г. Андрею Плещееву, но в первой трети XVI в. полученного Темкиными-Ростовскими, а также на общем представлении автора о том, что переход Ростова под власть великого князя в 1474 г. сопровождался массовыми изъятиями земель у членов местного княжеского дома. Но в приводимых в подкрепление этого мнения известиях об изъятии в 1472/73 г. села у Богоявленского монастыря и «у иных у многих», а также о куплях великой княгиней Марией в Ростовском княжестве в 1470-х гг. «земель боярских и монастырских, и служниих и черных» о собственно княжеских вотчинах не говорится⁹. Кроме того,

из текста работы возникает впечатление о том, что испомещение множества представителей ростовского княжеского рода в конце XV в. в Новгородской земле подразумевало их переселение из Ростовского уезда. Однако получение новгородских поместий не сопровождалось обязательной утратой родовых земель, напротив, по данным начала XVI в. видно, что в Новгород перебрались не все испомещенные там князья, часть осталась при своих вотчинах, позже утратив новгородские поместья¹⁰.

Вероятно, отказ от обобщения сведений о княжеских вотчинах и их локализации, картографирования и анализа результатов не позволил С. В. Стрельникову как-то использовать собранные данные в главе, посвященной политической истории Ростовского княжества. В результате в этой части общие выводы автора о постепенном «вымывании» ростовских князей с территории уезда в XIV–XV вв. и о связи начала утраты ими родовых земель в уезде с усилением московского влияния, завершившимся уже в опричнину сильным ударом по их оставшимся фрагментам, выглядят в целом верными, но недостаточно информативными¹¹.

Для современной историографической ситуации в сфере социально-политической истории Северо-Восточной Руси второй половины XIV — начала XVI вв. характерно внимание к проблеме территориально-клановых княжеских корпораций, институту служебных князей, а также интерес к микро-региональным исследованиям, основывающимся на комплексном использовании актов и прочих поземельных источников вкупе с данными генеалогии, топонимики, археологии и исследованиями ландшафта. Представляется интересным оценить возможности исследований такого рода на основе имеющихся сведений по ростовским княжеским вотчинам. Кроме того, не так давно опубликовано новое известие XVI в. о владениях ростовских князей в северной, Двинско-Сухонской части бывшего княжества, по поводу которой со времен С. В. Рождественского предполагалась полная утрата княжеских вотчин уже ко второй половине XV в. Все это позволяет вновь обратиться к проблеме родового землевладения ростовских князей.

Определение состава их родовых владений на территории прежнего Ростовского княжества возможно на основании данных дошедших до нас актов и поземельных описаний XV — начала XVII вв. Называемые в судебных делах первой трети XVII в. в качестве бывших старинных родовых вотчин владения могут с определенной уверенностью считаться такими, если это подтверждают писцовые материалы, прочие источники, топонимика и географическая близость этих владений к известным родовым землям ростовских князей. Поскольку в доступных проверке случаях состав комплексов ростовских земельных владений середины — второй половины XVI и первой трети XVII вв. достаточно близок, данные писцовой книги Ростовского уезда 1629–31 гг. (ПК 1629–31) о составе и величине таких комплексов могут быть использованы для реконструкции землевладения первой половины XVI в.

Важным условием, способствующим убедительности реконструируемого перечня владений является то, что перечисленные в ТКДТ территориально-кла-

новые корпорации служилых князей с XV в. объединялись не только общностью происхождения, но и земельной собственностью в родовом гнезде¹². Предположению С. В. Стрельникова об утрате князьями вотчин в 70–80-х гг. XV в. и их последующем возвращении в первой половине XVI в. противоречит то, что корпорацию ростовских князей отразил уже список двора 1495 г. и, следовательно, традиция их родового землевладения в уезде выглядит непрерывной¹³. Таким образом, в лице ТКДТ имеется независимый источник, где перечислены ветви и линии ростовского княжеского рода, сохранившие свои владения в Ростовском уезде до 1550-х гг. В известной мере это подтверждается и Приговором о вотчинах 1562 г., где упомянуты вотчины ростовских князей¹⁴.

Сведения о входивших в XVI в. в число родовых земель ростовских князей вотчинах сохранили Вкладные и кормовые книги Борисоглебского монастыря, основанного при родоначальнике Борисоглебской ветви ростовского княжеского дома Константине Васильевиче. От Андрея Дмитриевича Ростовского («а был в чернцах у Бориса и Глеба») в монастырь поступает сельцо Новое с деревнями в северной части княжества¹⁵. Князь Андрей — внук последнего владетельного ростовского князя из Борисоглебской ветви Владимира Андреевича, продавшего остававшуюся за ростовскими князьями часть прав на Ростовское княжество с половиной Ростова.

От вдовы Юрия Ивановича Темкина (также Борисоглебская ветвь, внук младшего брата Владимира Андреевича Ивана Яна) княгини Марьи в монастырь поступает с. Олешково с деревнями, расположенное к юго-западу от Ростова, в Савине стане на р. Кость¹⁶.

Единственная сохранявшаяся в руках ростовских князей непрерывно в до- и послеопричное время вотчина — это сельцо Гвоздево с деревнями и пустошами. В 1607/08 г. оно ушло от пресекшегося рода Гвоздевых-Ростовских и через посредство Белогостицкого монастыря и их близких родичей Бахтеяровых в 1620/21 г. по праву родового выкупа попало к столь же близким им Приимковым. Название села явно происходит от прозвища Федора Гвоздя, сына старшего брата Федора Бахтеяра Дмитрия Дмитриевича Приимкова. Входящее в состав владения «усадище Семь Братов» (оно же д. Семь Братов, Макарово тож), вероятно, связано с семью братьями — внуками Дмитрия Приимка: Дмитрием, Иваном Волком, Семеном Большим, Андреем, Львом Балыматом, Семеном меньшим Баташом и Федором Бахтеяром¹⁷. Присутствующие в составе Гвоздевского комплекса дд. Левково и Семеновское можно гипотетически соотнести со Львом Дмитриевичем Балыматом и одним из Семенов Дмитриевичей — Большим или Меньшим Баташом. Таким образом, мы видим, что продажа Приимкова не лишила потомство Дмитрия Приимка (младшего сына ростовского владетельного князя Сретенской ветви Федора Андреевича) всех родовых владений, и, следовательно, упоминание в ТКДТ Приимковых, Гвоздевых-Приимковых и Бахтеяровых действительно отражает сохранение ими наследных вотчин.

Приимково с деревнями князь Михаил Михайлович Темкин на суде в 1628 г. называет купленной вотчиной своего деда князя Григория Ивановича

Темкина, а в числе родовых, полученных его предками от основателя фамилии Ивана Темки, упоминает погост Никольский у Перевоза, сёла Сулость и Полянки¹⁸. Найденные в ходе судебных споров дозорные книги Якова Мещеринова и Степана Сабурова 1570/71 г. добавили к этому списку сёла Погост (на р. Луте) и Халдеево с деревнями, сельцо Ново, а также двенадцать деревень, которые, как видно по писцовым материалам, тянут к принадлежавшим Ю. И. Темкину селу Перову и сельцу Богоявленские Горы в Печегоцком стане Ростовского уезда¹⁹. Оппоненты князя Темкина не оспаривали факта владения его предками этими вотчинами, упирая больше на недостаточность оснований для восстановления его прав: книги, упоминающие об этом, ветхи, «многие листы драны», «во многих местах чернено», «рук дозорщиковых нет». Кроме того, с момента изъятия вотчин при опале Ивана Грозного на ростовских князей прошло более 60 лет, кроме того, земли уже побывали в поместной раздаче²⁰. Сам М. М. Темкин, признавая утрату грамот на села, ссылаясь на старожилов, а также на то, что в церквях Никольского погоста у Перевоза и Сулости сохранились икона и колокол с вкладными записями об изготовлении их по повелению его двоюродного деда Ю. И. Темкина и иконостас его «строения»²¹. Это также не оспаривалось, и, скорее всего, соответствовало действительности. Можно добавить другие факты, оставшиеся неизвестными князю Темкину. Из церкви с. Полянки происходит икона Воздвижения и Покрова с избранными святыми с надписью о том, что ее в 1564/65 г. вложил Митя Усов, «княже Юрьев иконик Ивановичя Ростовского Темкина»²². В ОР РНБ хранится богослужебный сборник третьей четверти XVI в. с вкладной записью о том, что эта книга написана по повелению «князя Юрия Ивановича Темкина-Ростовского, положена бысть к Николе Чудотворцу в Халдеево»²³. Сулость как вотчина Юрия Ивановича упоминается и в разъезжей 1562 г. на земли Богоявленского монастыря²⁴. Кроме того, известна меновная грамота 1527/28 г., по которой Ю. И. Темкин променял владешему с. Ивашковым А. Ф. Пильмову-Сабурову д. Чюраково на пожню Плоские и пустошь Колозково. Упоминаемая и в ПК 1629–31 пожня Плоские локализуется по опросам местных жителей в непосредственной близости от с. Полянки, прилегая к нему с запада, со стороны Ивашкова, и если Ю. И. Темкин действительно владел тогда Полянками, то смысл обмена оказывается очевиден.

Таким образом, выявляются вотчины, которыми к 1560-м гг. обладали сыновья Ивана Темки Юрий и Григорий. Однако, как видно из списка двора Ивана III 1495 г. и ТКДТ, землями в Ростове в конце XV — середине XVI вв. владели и другие линии потомства ростовского князя Андрея Александровича из Борисоглебской ветви: потомки Ивана Андреевича Брюхатого Хохолковы, Буйносовы, Катыревы, а также Яновы, восходящие к младшим братьям Ивана Темки. Кроме того, в составе корпорации в Тысячной книге упомянуты и Лобановы-Ростовские, принадлежащие к идущей от Владимира Константиновича младшей линии Борисоглебской ветви.

С Андреем и Александром Хохолками и с их наследниками может быть связана пустошь Хохолкова, в 1629–31 тянувшая к с. Халдеево. Кроме того,

на карте Генерального межевания отмечена пожня Хохолкова на р. Устье у деревень сельца Никольского, о которых бил челом князь М. М. Темкин. О землях потомства Ивана Андреевича Катыря прямых упоминаний в актах нет, однако в разъезжей грамоте И. А. Плещеева и И. Д. Низовцева 1543/44 г. говорится о «поместной земле кн. Андрея Хотеева» — селе Васильковском с деревнями, граничащем с землями Белогостицкого монастыря и с. Сулость. С. В. Стрельников затруднился отождествить «князя Андрея Хотеева» с кем-то из известных персонажей²⁵. Можно предположить, что, с учетом возможной ошибки при переписывании акта в монастырскую копийную книгу или при публикации выписки из нее в примечаниях к «Описанию Белогостицкого монастыря», речь идет о князе Андрее Ивановиче Катыреве, упоминаемом и в ТКДТ²⁶. Поместный, а не вотчинный статус владения отмечается в 1557/58— 58/59 гг. и у ростовского с. Перово Ю. И. Темкина²⁷.

Говоря о потомках князя Ивана Андреевича Яна, можно заметить, что его внук, сын Василия Ивановича Губки, названного в списке двора 1495 г., Борис Васильевич, как заметил С. В. Стрельников, записан как послух в упоминавшейся меновой Ю. И. Темкина и А. Ф. Пильмова-Сабурова 1527/28 гг., что подтверждает его присутствие в числе ростовских землевладельцев²⁸. Возможно, с Яновыми связана и любопытная метаморфоза, происшедшая с д. Князцово. Входившая в состав владельческого комплекса принадлежавшего уже к 1480-м гг. Сабуровым с. Ивашково деревня вкладывается затем в Троице-Сергиев монастырь, а после Смуты на время запустевает. Однако карта Генерального межевания уже обнаруживает на ее месте д. Яново²⁹. К сочетанию двух «говорящих» названий (второе до того могло бытовать в обиходе, не отразившись в актах) можно добавить и то, что Ивашковский комплекс окружен с двух сторон землями потомков князя Ивана Яна Темкиных, а его отмеченные в актах XV в. пожни на обоих берегах р. Устье могли находиться только по другую сторону владений Темкиных XVI в. Все это позволяет согласиться с одним из предположений С. В. Стрельникова. На основании наличия в числе деревень, тянущих к Ивашкову и Горкам, топонимов Княинино и Князцово, а также соседства этого комплекса с променянной Ю. И. Темкиным д. Чюраково он допускает, что земли вокруг Ивашкова и Горок принадлежали до Сабуровых «родоначальникам князей Темкиных-Ростовских», внуков и правнуков Ивана Яна³⁰. Помимо Ивашкова С. В. Стрельников также предположил принадлежность до 1460—70-х гг. Темкиным с. Савеловское с деревнями, купленного в этот период выходцами из Костромы Черемисиновыми «опричь Голузинова», входившего в XVI — XVII в состав комплекса с. Полянки³¹. С этим вполне можно согласиться, лишь уточнив, что с учетом гибели основателя линии Темкиных Ивана Темки в битве под Оршей в 1514 г. (С. В. Стрельников почему-то счел, что князь лишь попал там в плен, хотя источники не оставляют никаких сомнений: «убиша из пушки воеводу в передовом полку князя Ивана Ивановича Темку») для 1460—70-х гг. говорить о Темкиных-Ростовских еще рано³².

Прямых свидетельств о родовых вотчинах Лобановых-Ростовских в XVI в. на территории Ростовского уезда нет. В 1630 г. вдова Афанасия

Васильевича Лобанова-Ростовского Мария покупает выслуженную вотчину князя Александра Даниловича Приимкова-Ростовского в бывшей дворцовой Савинской волости. В составе этого владения ПК 1629–31 называет пожню Лобановича, но неизвестно, возник ли топоним после покупки, или, напротив, отражает давность наследственного владения Лобановыми вернувшимися к ним землями в родовом гнезде³³. Во всяком случае, Савинская волость XVI в. граничит с вотчинами Темкиных-Ростовских Халдеевым и Погостом на Луте, на юге подходя к городу Ростову. На рубеже Савинской волости, Погоста на Луте и вотчинных земель потомков Дмитрия Приимка писцовая книга отмечает Лобаново болото³⁴. Также с Лобановыми-Ростовскими могут быть связаны какие-то из трех пустошей Лобановых, по писцовой книге 1629–1631 гг. расположенные в поместных землях Утемского и Рождественского станов, на реках Могзе и Яксурке³⁵. Рядом с первой из них находится комплекс сельца Нового князя А. Д. Ростовского, рядом с одной из двух других — пустошь, что была деревня Княжищево.

Перечисленные села и большая часть упомянутых в документах деревень, пустошей и пожен могут быть локализованы на основе ПК 1629–31 и данных Генерального межевания. Села Приимково, Гвоздево, Никольское, Сулость, Николо-Перевоз, Татишев-Погост (Погост Николы на Луте позже перешел к Татишевым), Полянки, Халдеево с тянущими к ним деревнями образуют обширный массив земельных угодий, расположенных в долинах рек Вёкса, Которосль, Устье, Лут и Сотьма. Любопытно, что за небольшими исключениями, представляющими владения местных монастырей (Богоявленского, Белогостицкого и Григорьевского монастырей), все эти земли оказываются смежными, причем вотчины князей Сретенской и Борисоглебской ветвей лежат практически чересполосно. По краям массива находятся гипотетически относимые к родовым княжеским владениям села Ивашково, Савелково и Васильково, а также известные с XVI в. крупные дворцовые волости — Савинская и Великосельская (к последней в опричнину отписывались владения ростовских князей³⁶). К северо-западу от Савинской волости находилась также дворцовая Вошажниковская волость, с севера соседствующая с принадлежавшим до конца 1540-х гг. князю А. Д. Ростовскому сц. Новым. Время формирования этих дворцовых волостей неизвестно, они фигурируют лишь в документах середины — конца XVI в. Дворцовой Пужбольской волостью оказываются в XVI в. и земли с. Пужбол, веком раньше, очевидно, принадлежавшие князьям Пужбольским³⁷.

Важным природно-хозяйственным свойством этого массива земель является расположение ее в долине крупных рек — сливающихся у погоста Николы на Перевозе Вёксы, Устья и Которосли. Обширные заливные луга составляют ее главное богатство, причем в отличие от побережья оз. Неро они не заболочены. Характерной чертой описываемого блока земельных владений оказываются отраженные писцовыми книгами следы его хозяйственного единства — многочисленные отхожие пожни по берегам Которосли в районе Приимкова и Великого. Такие пожни имеются у сел и деревень комплексов

Халдеева, Полянок, Голузина, Кузьмицына, Ивашкова, компенсируя удаленность от заливных лугов в сравнении с расположенными в их зоне погостом Николы на Перевозе, Сулостью и Приимковым³⁸. Теоретически такое землепользование могло быть сформировано во второй половине XVI в., когда большая часть этих земель находилась в дворцовой собственности. Это предположение, казалось бы, подтверждается дошедшей до нас выпиской из дозорных книг князя Василия Туренина и подьячего Богдана Федорова 1589 г., описывающих дававшийся в поместье князю Федору Шестунову и изъятый обратно во Дворец комплекс сел Никольского на Перевозе, Приимкова, Полянок и Сулости вместе с государевым лугом на реке Которосли, где ставится около 5000 копен сена помимо 3200 копен крестьянских вытей. Согласно книге, «тое сено косити на государя царя и великого князя Олешковского села и деревень крестьяном, Даниловскаго села и Приимковскаго деревень крестьяном да Халдеевскаго села и Патрекеевскаго сельца и деревень крестьяном по прежнему государеву указу»³⁹. Наличие в перечне Приимкова и Халдеева понятно: оба села в это время находятся во Дворце и расположены в большей или меньшей близости от описываемых угодий. Сложнее, однако, объяснить присутствие там Олешковского села. Вотчинное Олешково, как упоминалось, было пожертвовано по Ю. И. Темкину в Борисоглебский монастырь и во Дворец никогда не отписывалось. Но и ПК 1629–31 отмечает наличие в составе этого монастырского земельного комплекса отхожей пожни Нажировки на Которосли. Очевидно, связь отдаленного более чем на 20 км от которосльских лугов Олешкова с этими сенокосными угодьями восходит ко времени еще до изъятия вотчин Ю. И. Темкина, что позволяет предположить более раннее происхождение таких связей и для прочих названных сел.

Итак, до 1560-х гг. в Ростовском уезде имеется единый массив вотчинных земель, сохраняющий традицию родового землевладения здешнего княжеского дома. Дополнительную информацию о его свойствах дает грамота за приписью дьяка Андрея Шерefeldинова 1576/77 г., пересказанная в дозорных книгах 1589 г.: к погосту Николы на Перевозе тянут богатые рыбные ловли на реках Устье, Которосли и Вёксе, где ловят всякими снастями, а на Вёксе бьют ез, и «утячы ловли». Кроме того, крестьяне села держали перевоз через Устье и «перевод и побережное с приезжих с конных и с пеших людей и побережное с судов с торговых людей собирали» с весны до Николы Вешнего, платя с этого оброк, «а с Николы Вешнего до заморозов пожалованы были тем перевозом к Николу Чудотворцу на престол на темьян да на ладон и в руги церковные место и хлебные поп и дьякон и весь причет церковный по старине, как было при князе Юрье Темкине»⁴⁰.

Таким образом, относительно небольшая площадь этого массива (по данным ПК 1629–31 достоверно принадлежащие в середине XVI в. ростовским князьям села Сулость, Никольское Погост на Перевозе, Полянки, Халдеево, Погост на Луте, Приимково, Гвоздево с деревнями и пустошами вместе насчитывают около 2000 четей пашни в поле) дополнялась и компенсировалась, судя по всему, его высокой хозяйственной ценностью и расположением на глав-

ной транспортной артерии бывшего княжества — р. Которосль и на путях в Ярославль, Кострому и Суздаль. Территория массива княжеских земель, близко подходящая к округе столичного города, распространяется дальше в виде расширяющегося к границам княжества сектора по долине крупной реки, напоминая выделенные С. З. Черновым «московские городские станы» или «старейшинство» князей Стародубских⁴¹.

Помимо этого, на территории уезда до середины XVI в. сохранялись как минимум два княжеских вотчинных села с деревнями — Новое и Олешково, но установить, были ли это отдельные комплексы, или остатки более крупных княжеских владений, напоминающих вышеописанное, сейчас не представляется возможным.

Кроме территории будущего Ростовского уезда в состав Ростовского княжества входили обширные земли по Сухоне, Ваге, Югу и Северной Двине с центром в Устюге. Часть из них после московско-новгородских конфликтов конца XIV — начала XV вв. постепенно попадает в собственность новгородских бояр, а уже от них переходит к Москве⁴². Волость Бохтюга, принадлежавшая потомкам старшего сына ростовского князя Андрея Федоровича Ивана, после пресечения их рода также к середине XV в. стала великокняжеской⁴³. М. С. Черкасовой опубликован важный акт, содержащий сведения об еще одном владении ростовских князей, сохранившемся до более позднего времени. Речь идет об устюжской волости Мола, расположенной несколько ниже по течению Сухоны, чем Бохтюга. В жалованной грамоте великого князя Ивана Васильевича 1541 г. Евфимьеву Сямженскому монастырю приводится содержание данной грамоты тому же монастырю князя Василия Ивановича Голенина. Известный своей административной деятельностью на великокняжеской службе представитель ростовского княжеского рода, правнук того же Ивана Андреевича, дал в монастырь 10 деревень и починков, расположенных у рубежа с заозерской волостью Сянжема ярославских князей. Вклад был сделан по брату князя Василия Ивановича, причем князем Голениным был установлен и размер оброка с вложенных в монастырь деревень: десять алтын в год «старостам, и сотцким, и всем крестьяном Мольские волости оброком с году на год за дань и за волостелин корм, и за пятно, за все пошлины»⁴⁴.

Таким образом, до начала XVI в. на территории бывшего Ростовского княжества сохранялась принадлежащая потомкам владетельного ростовского князя Сретенской ветви волость. Нужно, однако, отметить, что, несмотря на это, Голенины не входили в территориально-родовую корпорацию ростовских князей, отраженную в ТКДТ. Объяснить это можно либо тем, что Голенины покинули ее, перейдя на московскую службу до того, как под власть великого князя поступило все ростовское княжество, либо тем, что эти их земли, входившие в состав ранее утраченного Ростовом Устюга, уже не воспринимались в качестве ростовских. В любом случае заметна близость между судьбами Бохтюги и Мола, по мере пресечения владевших ими линий потомков Ивана Андреевича отходящих к великому князю, и их отличие от блока земель в округе Ростова, с пресечением отдельных княжеских линий остающихся в родовом

владении. Следует также отметить, что на территории Ростовского уезда в XV—XVI вв. мы не видим следов находившихся во владении одной княжеской линии волостей, как Бюхтюга, Мола, или напоминающие их вотчины белозерских и ярославских князей, такие, как, к примеру, Кема или Юхоть.

**

- ¹ Рождественский С. В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб., 1897. С. 149.
- ² Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 64, 79–80.
- ³ Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 154, 171–173.
- ⁴ Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 255.
- ⁵ Стрельников С. В. Землевладение в Ростовском крае в XIV — первой трети XVII в. М.; СПб., 2009.
- ⁶ Стрельников С. В. Грамоты из архивов ростовских монастырей // Русский дипломатарий. № 7. М., 2001.
- ⁷ Стрельников С. В. Землевладение... С. 31, 94, 99, 112–118.
- ⁸ Там же. С. 118.
- ⁹ Там же. С. 87, 88.
- ¹⁰ Корзинин А. Л. Княжеская аристократия под Новгородом в конце XV — начале XVI в.: причины утраты знатью новгородских земель // Труды кафедры Истории России с древнейших времен до XX века. СПб., 2006. Т. 1. С. 402–408.
- ¹¹ Стрельников С. В. Землевладение... С. 168.
- ¹² Кобрин В. Б. Власть и собственность... С. 79; Назаров В. Д. О титулованной знати России в конце XV в. (Рюриковичи и Гедиминовичи по списку двора 1495 г.) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М., 2000. С. 204.
- ¹³ Там же. Список двора 1495 г. см.: Разрядная книга, 1475–1598 гг. М., 1966. С. 24–26.
- ¹⁴ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в. Тексты. Л., 1986. №36.
- ¹⁵ Титов А. А. Вкладные и кормовые книги Ростовского Борисоглебского монастыря в XV, XVI, XVII и XVIII столетиях. Ярославль, 1881. С. 9–10; Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011. С. 42.
- ¹⁶ Стрельников С. В. Землевладение... С. 117. ОР РНБ. Собр. Титова, № 4904. Л. 44. об.
- ¹⁷ Лихачев Н. П. Судное вотчинное дело стольника князя Юрия Андреевича Сицкого о наследстве после князя Петра Владимировича Бахтеярова-Ростовского // Известия императорского Русского генеалогического общества. СПб., 1909. Вып. 3. С. 241; Стрельников С. В. Землевладение... Приложение I. С. 178.
- ¹⁸ Лихачев Н. П. Судное вотчинное дело... С. 238–239; Стрельников С. В. Землевладение... Приложение I. С. 178–179.
- ¹⁹ Стрельников С. В. Землевладение... Приложение I. С. 218.
- ²⁰ Там же. С. 223, 226, 229.
- ²¹ Там же. С. 203.
- ²² Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи XI — начала XVIII вв. М., 1963. Т. 2. № 399.
- ²³ Рукописные памятники ростово-ярославской книжности. Ярославль, 2011. С. 72. (Ф. 354 (Волог. собр.). № 5).
- ²⁴ Стрельников С. В. Грамоты... С. 9; № 3.
- ²⁵ Там же. С. 8.
- ²⁶ Гаврилов А. В. Историко-археологическое описание Белогостицкого монастыря // Сборник Археологического института. СПб., 1880. Кн. 4. Отд. 2. С. 78.
- ²⁷ Стрельников С. В. Землевладение... С. 117.
- ²⁸ Там же. С. 98. Прим. 100.
- ²⁹ РГАДА. Ф. 1356. Генеральный геометрический план городу Борисоглебску и уезду, со-

- стоящему в Ярославском наместничестве. Сочинен в Нижегородской межевой конторе в 1792 году.
- ³⁰ И отказаться от его второго предположения по этому поводу, гораздо менее вероятного — о возможности переходе Ивашкова к Сабуровым в связи с браком дочери Константина Шеи и ростовского князя Александра Федоровича. См.: Стрельников С. В. Землевладение... С. 99.
- ³¹ Там же. С. 115; также см.: Каштанов С. М. Формирование Ростовского уезда в XV — XVI вв. Ч. 2. Станы Лутский и Сотемский // ИКРЗ. 1996. Ростов, 1997. С. 15.
- ³² Стрельников С. В. С. 115; ПСРЛ. Т. 13. С. 22; Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011. С. 91.
- ³³ Писцовые материалы Ростовского уезда XVII века. 1629–1631 годы. М., 2012. С. 260.
- ³⁴ Там же. С. 258.
- ³⁵ Там же. С. 284, 311, 319.
- ³⁶ Стрельников С. В. Землевладение... Приложение I. С. 218.
- ³⁷ Рождественский С. В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб., 1897. С. 149; Каретников А. Л. Историко-топографические данные о Сретенской и Борисоглебской половинах г. Ростова // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. Ярославль, 2010. № 4. С. 33.
- ³⁸ Там же. С. 158, 243, 255, 256, 275, 296.
- ³⁹ Лихачев Н. П. Судное вотчинное дело... С. 257.
- ⁴⁰ Там же. С. 254.
- ⁴¹ Чернов С. З. Домен московских князей в городских станах, 1271–1505 годы // Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. М., 2005. Т. 2; Назаров В. Д. Разыскания о древнейших грамотах Троице-Сергиева монастыря. II. Вклад князя Федора Андреевича Стародубского // Троице-Сергиева Лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы Межд. науч. конф. М., 2000.
- ⁴² См.: Янин В. Л. Борьба Новгорода и Москвы за Двинские земли в 50–70-х гг. XV в. // Исторические записки. М., 1982. Т. 108; Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси. М., 1984. С. 276–279.
- ⁴³ Кучкин В. А. Формирование... С. 280–282; АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 253.
- ⁴⁴ Черкасова М. С. Кубено-Заозерский край на политической карте Руси в XIV–XVI вв. // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. СПб., 2006. Т. 1. Приложение 1. № 5.